

МОСКОВСКІЯ

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 коп., съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р., 50 к., на полгода 2 р., 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 30 к., на 1 мѣс. 50 коп. ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 10 копѣекъ.

№ 35.

25-го АВГУСТА,
1885-го ГОДА.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Донская улица, домъ Ризположенской церкви, квартара протоіерея Виктора Петровича Рождественскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ за строку, или мѣста строки за одинъ разъ 10 к., за 2 раза 18 к., за 3 раза 24 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Краткій очеркъ исторіи Московской духовной академіи. Миссіонерскій отдѣлъ. Уссурійскій край. Курды, Сванеты и Абхазцы. За-мѣтки и сообщенія о печати. Библиографія. Троицкіе листки. Корреспонденція. Изъ Сергіева посада. Извѣстія и замѣтки. Протоіерей П. Е. Соколовъ (Некрологъ). Пожертвованія погорѣльцамъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

Съ 1700 г. въ исторіи Московской Законодательной академіи начинается новый періодъ. Въ этотъ годъ (въ октябрѣ) скончался патриархъ Адрианъ, много заботившійся о греческомъ ея направленіи. Ученые изъ грековъ, съ его смертію, лишились послѣдней для себя опоры. Правда, еще три года во главѣ академіи стоитъ ученикъ Лихудовъ. Но онъ не былъ въ состояніи напомнить собою своихъ учителей. Говоримъ о Палладіи Роговскомъ.

Его кратковременное завѣдываніе академіей (1700—1703 годахъ) съ титуломъ «Ректора», по справедливости, можетъ быть названо временемъ переходнымъ. Въмѣстѣ съ нимъ латинизмъ дѣлаетъ первое и довольно сильное вторженіе въ направленіе академіи. Палладій самъ, хотя и невольно, содѣйствовалъ этому, онъ получилъ образованіе за границей (въ Вильнѣ, Нейсее, Силезскомъ городѣ и Римѣ). Долговременное пребываніе въ латинскихъ (іезуитскихъ) школахъ не оставило въ немъ и слѣда того греческаго образованія, которое онъ получилъ въ теченіе полутора года подъ руководствомъ Лихудовъ (въ Богоявленскомъ училищѣ). Онъ могъ учить и училъ только на латинскомъ языкѣ.

Не вошедшее при Палладіи въ полную силу латинское образованіе укореняется въ академіи при его преемникахъ. При нихъ оно совершенно вытѣсняетъ греческое направленіе и господствуетъ здѣсь почти въ теченіе семидесяти пяти лѣтъ.

Важнѣйшимъ вліяніемъ на эту перемѣну въ академіи служили новыя вліянія въ Россіи, новый духъ ея, которымъ ее оживлялъ великій русскій реформаторъ, Петръ I. Во время своего путешествія по Европѣ онъ видѣлъ и наблюдалъ одни распадники латинскаго образованія; въ немъ онъ находилъ некоторую пользу для успѣшнаго проведенія своихъ реформъ и потому былъ расположенъ ввести его въ академіи. Пер-

вымъ распоряженіемъ Петра въ этомъ духѣ было назначеніе протекторомъ академіи Стефана Яворскаго.

Послѣдній былъ питомецъ школъ—киевской, лембергской и познанской. Онъ вообще сочувствуетъ реформаторскимъ планамъ царя и охотно повинуется его указу (отъ 7 іюля 1701 г.) «завести въ академіи ученія латинскія». По царскому же указу, Стефанъ Яворскій обращается за учителями для академіи въ Кіевъ и переустроиваетъ ее по образцу школы киевской, уже успѣвшей будто бы и засвидѣтельствовать (долговременными опытами) доброе направленіе своего образованія и даровать церкви многихъ архипастырей и ученыхъ. Всѣ уроки читаются теперь въ академіи на латинскомъ языкѣ; на немъ же пишутся и сочиненія.—Вмѣстѣ съ новымъ направленіемъ и характеромъ (латинскимъ) она получаетъ и новое названіе—«школъ словено-латинскихъ».

Столь быстрая и рѣшительная перемѣна во внутреннемъ видѣ академіи повлекла за собою и другія перемѣны. Составъ академическихъ учителей и наукъ значительно расширяется. Сверхъ ректора, академія имѣетъ теперь префекта или инспектора и шесть, а иногда и семь учителей. Перейдемъ къ обзорѣ ихъ занятій.—Они состояли въ преподаваніи наукъ. Ректоръ преподавалъ богословіе, префектъ—философію, далѣе слѣдовали учителя—риторики, пиитики, синтаксисы, грамматикки, ииѳимы, аналогіи или фары и славяно-россійской школы. Послѣдняя, впрочемъ не всегда и не вполне принадлежала къ академіи.

Преподаваніе cadaго изъ названныхъ предметовъ отличалось своеобразиемъ, какъ въ содержаніи, такъ и въ изложеніи. Мы остановимся своимъ вниманіемъ только на Богословіи, и уважемъ главныя черты, характеризующія преподаваніе этой науки.

Въ данный періодъ главное направленіе богословскаго ученія было схоластическое. Близкая къ паденію при Лихудахъ, схоластика снова оживлена была въ академіи учеными изъ Кіева. Примѣромъ схоластическихъ тонкостей могутъ служить слѣдующіе вопросы: гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли

*) Продолженіе см. № 34.

они приводятъ въ движеніе себя и другія тѣла? какъ они м. слять и понимаютъ, — посредствомъ соединенія, различенія, или какъ-нибудь иначе? какимъ образомъ они сообщаютъ другъ другу свои мысли? сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? могутъ ли Божескія лица принять человѣческую природу и природу другихъ существъ сотворенныхъ? о познаваемости и возможности воплощенія; въ чемъ состоитъ *сущность* свѣта славы въ жизни будущей и т. п. (С. Смирновъ—Исторія московской славяно-греко-латинской академіи, стр. 144).

Приемы, которыми руководились въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, были общеизвѣстные приемы схоластики. Объ нихъ достаточно только упомянуть. Заслуживаетъ большаго вниманія для характеристики богословскаго образованія въ академіи за второй періодъ ея исторіи произвольность въ научномъ расположеніи богословскаго матеріала. Для показанія этой черты приводимъ обзоръ богословскаго курса, какъ это представлено у ректора Теофилакта Лопатинскаго. Весь курсъ распадается на четыре года. «Первый годъ обнимаетъ слѣдующіе вопросы: 1) схоластическое чтеніе о Богѣ единомъ и о св. Троицѣ. 2) О правѣ и правдѣ. Нравственное чтеніе: о договорахъ вообще и въ частности. Полемика: о св. Троицѣ; о исхожденіи св. Духа и о предопредѣленіи. Второй годъ: 1) схоластическое чтеніе о воплощеніи. 2) Объ ангелахъ, о блаженствѣ и о дѣйствіяхъ человѣческихъ. Нравственное: о заповѣдяхъ первой и второй скрижали, о совѣсти, о произволѣ и о дѣйствіяхъ человѣческихъ въ практическомъ отношеніи. Полемика: о призваніи святыхъ и о почитаніи мощей и иконъ. Третій годъ: 1) схоластическое чтеніе о благодати и о грѣхахъ. 2) О таинствахъ. Нравственное: о таинствахъ, въ особенности о брачѣ и о литургіи. Полемика: объ оправданіи; о таинствахъ вообще и о таинствѣ евхаристіи. Годъ четвертый. 1) Первое чтеніе о вѣрѣ, надеждѣ и любви. 2) О покаяніи. Нравственное: о исповѣди, о духовныхъ наказаніяхъ вообще и въ частности. Полемика: о церкви, о Главѣ ея, о мытарствахъ» (Тамъ-же, 137 стр.).

При взглядѣ на подобную систему, поражаешься смѣшеніемъ богословскихъ предметовъ и вопросовъ. Въ ней нѣтъ ни связи между трактатами, ни естественнаго перехода отъ одного изъ нихъ къ другому. Таковы трактаты о св. Троицѣ и о правѣ; объ ангелахъ и о дѣйствіяхъ человѣческихъ и т. п.—Объясненіе этого печальнаго явленія нужно искать только въ подраженіи Аристотелю, въ стремленіи располагать матеріалъ по его категоріямъ.

Впрочемъ, господство схоластики простирается не на весь этотъ періодъ. Послѣ Теофилакта Лопатинскаго начинается братъ перевѣсъ надъ схоластикой новое направленіе Теофана Прокоповича. Обнаруженіе его видно въ системахъ ректоровъ Кирилла Флоринскаго Гавріила и особенно Платона. Паденіе схоластики ускорено было появленіемъ опытовъ изложенія Богословія на русскомъ языкѣ.—Начинается заря новаго періода въ исторіи академіи.

(Продолженіе будетъ).

МИССИОНЕРСКІЙ ОТДѢЛЪ.

УССУРІЙСКІЙ КРАЙ.

Вліяніе и власть китайцевъ. Состояніе миссіонерскаго дѣла. Порча корейцевъ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ китайское правительство формально, на основаніи заключеннаго договора, уступило намъ Уссурійскій край. Не смотря на то китайское вліяніе господствуетъ здѣсь во всей своей силѣ. По сообщенію «газеты Владивостокъ» китайцы имѣютъ въ немъ вполне организованное управленіе и даже не тайное, такъ какъ и сами русскіе обращаются къ нему. Это управленіе судить и разыскиваетъ до смертной казни и наложенія подати включительно; ему безусловно подчиняются не только китайцы, живущіе въ этомъ нашемъ краѣ, но и другіе населяющіе его инородцы, гольды и орочены, находящіеся въ полной у китайцевъ зависимости, а орочены, можно сказать, даже въ крѣпостничествѣ. До какой степени эти инородцы мало знаютъ еще значеніе для нихъ русской власти, разительнo обнаружилось изъ слѣдующаго примѣра. Когда однажды Надаровъ вошелъ въ китайскую фанзу, то не смотря на то, что его сопровождали вооруженные солдаты, что уже само собою выказывало его значеніе, никто изъ находившихся въ фанзѣ гольдовъ не только не всталъ, но даже не привѣтствовалъ и словомъ обычнаго своего привѣтствія, но едва въ ту же фанзу вошелъ китайскій прикащикъ какъ всѣ инородцы мушны вскочили и отдали ему земной поклонъ. А вотъ примѣръ обращенія и русскихъ къ китайскимъ старшинамъ: у начальника одной телеграфной станціи работникъ изъ мщенія испортилъ много вещей; начальникъ этотъ хорошо зналъ по опыту, что обращаться къ русскимъ властямъ бесполезно; всѣ китайцы или манзы вполне солидарны между собой, своего не выдадутъ и могутъ скрыть виновнаго. Онъ рѣшился обратиться къ китайскому старшинѣ, тотъ собралъ судъ и приговорилъ виновнаго манзу въ изгнанію изъ края. Еще и до сихъ поръ гольды и орочены платятъ дань манчжурскому начальнику (нойону), который для сбора оной прѣзжаетъ ежегодно съ сунгари, и въ случаѣ важныхъ несогласій между инородцами, они ѣздятъ за границу судиться у манчжурскаго начальника. Самый важный выводъ, который дѣлаетъ г. Надаровъ изъ всего этого, заключается въ томъ, что *случись у насъ война съ Китаемъ, орочены и гольды Уссурійскаго края будутъ на сторонѣ Китая* и будутъ для насъ тѣмъ болѣе вредны, что они знаютъ всякую тропинку, изъ которыхъ намъ еще ни одна вполне неизвѣстна.

По всему этому новый приамурскій генералъ-губернаторъ въ числѣ разсланныхъ имъ вопросовъ по отношенію къ устройству края предложилъ и слѣдующій: является ли необходимымъ выселеніе изъ края манзъ и прекращеніе имъ доступа въ край? Если подобныя мѣры будутъ признаны необходимыми, то объяснить и самый способъ исполненія ихъ.

Подполковникъ Надаровъ считаетъ, что главнымъ подготовительнымъ дѣйствіемъ для улучшенія положенія гольдовъ и ороченовъ должно быть распространеніе въ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ дѣятельности православныхъ миссіонеровъ, которые во многомъ могутъ способствовать обрусенію края и укрѣпленію его за Россіей.

Въ виду важнаго въ государственномъ отношеніи значенія Уссурійскаго края и вообще всей Приморской Области было бы весьма желательно и своевременно усилить миссіонер-

скую дѣятельность между обитающими въ нихъ гольдами, галками, тунгузами, ороченами, чукчами, коряками и самогирцами. По словамъ газеты «Новости», наши миссіонеры до сего времени обращали вниманіе на умноженіе количества вѣрующихъ, а не на поддержаніе и упроченіе христіанской религіи въ повообращенныхъ язычникахъ. Только въ послѣднее время миссія сосредоточила главную свою дѣятельность на переводахъ Священнаго Писанія на инородческіе языки и на расширеніе миссіонерскихъ школъ для малолѣтнихъ язычниковъ. Такъ въ настоящее время уже закончены переводы на корейскій языкъ св. Евангеліе отъ Матѳея, Марка и Луки, а также литургія; на гольдскій — Евангеліе отъ Матѳея и составлены гольдская азбука и русско-гольдскій словарь. Эти переводы отправлены въ совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества съ ходатайствомъ объ отпечатаніи. Что касается миссіонерскихъ училищъ, то ихъ теперь насчитывается девять, въ которыхъ обучаются около 200 инородческихъ мальчиковъ. Къ сожалѣнію, эти училища, за скудостью денежныхъ средствъ, не всегда располагаютъ хорошимъ контингентомъ учителей и учебными пособиями. Такъ какъ замѣчено, что родители-язычники очень охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ миссіонерскія школы, то есть предположеніе въ непродолжительномъ времени открыть еще нѣсколько подобныхъ школъ, преимущественно по нижнему теченію рѣки Амура.

Особенно успѣшно распространялось христіанство между выселившимися въ наши владѣнія корейцами, о которыхъ миссіонеры и другія лица отзывались съ большими похвалами. Къ несчастію, нравственная порча коснулась и корейцевъ. По сообщенію газеты «Владивостокъ», они плохо ведутъ свое хозяйство: сѣютъ самое незначительное количество, хотя и выбираютъ лучшія мѣста; скотоводствомъ почти не занимаются, и рѣдкій домохозяинъ имѣетъ одного, двухъ быковъ, а другихъ домашнихъ животныхъ и птицъ не держатъ, подѣляясь, что онѣ вредятъ посѣвамъ около дворовъ и овощамъ. Вообще корейцы крайне нерадивы; домохозяева никогда не работаютъ, а нанимаютъ работниковъ, сами же, сложивъ руки, ходятъ изъ фанзы въ фанзу и по цѣлымъ ночамъ играютъ въ карты. Съ наступленіемъ зимы у нихъ почти ничего не остается отъ лѣтнихъ заработковъ, и тогда они принимаются за лѣсъ, который уничтожаютъ хищническимъ способомъ. Поэтому жизненные продукты можно достать отъ нихъ только съ большимъ трудомъ и за дорогую цѣну». Въ газетѣ впрочемъ жалуются на то, что сами русскіе подають такіе дурные примѣры, которые не могутъ не отражаться на инородцахъ. Особенно вредно дѣйствуетъ развившаяся страсть къ картамъ. Для картъ, сообщаютъ газетѣ изъ огромнаго села Никольскаго, въ которомъ расположена часть войскъ, забываютъ семью, дѣтей, не только отцы, но и матери, сдавая своихъ дѣтей на руки прислугѣ...

КУРДЫ.

Религіозныя вѣрованія. Образъ жизни. Положеніе женщины. Браки. Гостепримство и мстительность курдовъ.

Кавказскій и Закавказскій край населенъ разнообразными многочисленными народами и племенами, о которыхъ русская публика имѣетъ весьма слабое понятіе, а о нѣкоторыхъ вѣроятно и совсѣмъ ничего не знаетъ. Къ числу такихъ мало извѣстныхъ народовъ принадлежатъ курды, одинъ изъ первобытныхъ народовъ Закавказскаго края. По сообщенію

газеты «Кавказъ», курды живутъ въ предѣлахъ Эриванской губерніи, главнымъ образомъ въ Сурмолинскомъ уѣздѣ, по склону горнаго хребта, который составляетъ границу между Россіей и Турціей. Они дѣлятся на нѣсколько различныхъ племенъ, изъ коихъ всѣ за исключеніемъ одного только племени езидовъ, исповѣдуютъ магометанскую религію и принадлежатъ къ сектѣ суннитовъ.

Езиды же язычники поклоняются добрымъ и злымъ духамъ, олицетворяющимъ явленія природы. Всѣ курды говорятъ на одномъ языкѣ, который дробится на множество нарѣчій.

Религіозный фанатизмъ, составляющій одну изъ характеристикъ особенностей послѣдователей ислама, почти незнакомъ курду. Онъ знаетъ наизусть нѣсколько молитвъ на арабскомъ языкѣ, которыя наследственно переходятъ изъ устъ въ уста и, не понимая ихъ смысла, аккуратно совершаетъ въ опредѣленные часы своей намазъ.

Духовенство у курдовъ-магометанъ составляютъ такъ-называемые *шейхи*, а у езидовъ они носятъ названіе *каваловъ*. У курдовъ нѣтъ письменности, только духовенство знаетъ арабскій языкъ, на которомъ совершаетъ свое богослуженіе, но это знаніе составляетъ исключительную собственность этой касты. Представители духовенства живутъ, главнымъ образомъ, въ Турціи, и только въ опредѣленное время года пріѣзжаютъ для сбора духовной подати.

Курды ведутъ кочевой образъ жизни и занимаются, главнымъ образомъ, скотоводствомъ. Зимой они занимаютъ мѣста низменныя и ютятся въ такъ-называемыхъ зимовникахъ. Это маленькія землянки приподнятыя вершка на два отъ поверхности земли, съ небольшимъ отверстіемъ въ верхней части, откуда падаетъ свѣтъ и клубится дымъ, единственный маякъ, по которому зимой проѣзжій путникъ можетъ узнать о присутствіи тамъ живаго существа. Въ началѣ же апрѣля начинается дѣятельный ихъ образъ жизни. Какъ только бѣлый саванъ, покрывавшій Араратскую долину, снимется и горы покрываются только что прорывающеюся травкой, курды покидаютъ свой зимовникъ и со всѣмъ своимъ имуществомъ поднимаются въ горы, перекочевывая съ одного пастбища на другое.

Перекочевывать съ одного мѣста на другое не составляетъ большаго затрудненія для курда, такъ какъ все его имущество состоитъ изъ одной большой черной палатки, нѣсколькихъ ковровъ собственной работы, кое-какой постели, одного котла и большой сковороды, такъ-называемой *саджъ*. На выпуклой сторонѣ ея курдинка печетъ хлѣбъ, а на вогнутой готовить единственное блюдо курда — *саджъ-каурмасы*. Вотъ все имущество курда, которымъ, навьючивая своихъ быковъ, онъ такъ часто мѣняетъ свое мѣстожительство въ продолженіе всего сезона горной жизни.

Домашняя работа курда, какъ бы она ни была тяжела, лежитъ на обязанности женщины. Курдинка работаетъ съ ранняго утра. Чуть свѣтъ она доитъ коровъ и овецъ, разводитъ огонь, печетъ хлѣбъ, взбиваетъ масло и т. п., а затѣмъ для нея начинается работа менѣе грубая: она берется за иглу, прядильный станокъ, или начинаетъ вышивать своеобразныя ширмы, которыя тѣмъ роскошнѣе, чѣмъ зажиточнѣе семья. Ширмы эти разставляются въ шатрѣ и дѣлятся его на нѣсколько отдѣленій: женское, мужское или пріемное. Изъ ручныхъ издѣлій курдинки особенное вниманіе обращаютъ на носки и перчатки, приготовляемые изъ самой тон-

чайшей, пѣжной овечьей шерсти. Курдь же ничего не дѣлаетъ. Все время онъ сидитъ въ кругу своихъ друзей, рассказываетъ имъ о своихъ подвигахъ, восторгается мужествомъ своихъ предковъ, и въ этомъ у него проходитъ весь день. Если же неожиданное нападеніе со стороны враждебнаго племени, что въ порядкѣ вещей у курда, нарушаетъ его идиллію, онъ моментально вскакиваетъ на коня и до послѣдняго издыханія защищаетъ честь своего шалаша въ частности, и честь племени вообще. Если курдь при защитѣ личной, или общественной чести показалъ тылъ неприятелю, онъ на другой же день дѣлается темой народной фантазіи и дѣвушки въ стихахъ осмѣиваютъ неудачнаго искателя приключеній.

Браки у курдовъ совершаются посредствомъ похищенія дѣвицъ, по этотъ способъ соединенъ съ большими трудами и опасностями для жизни. Родители и родственники похищенной дѣвушки нагоняютъ и убиваютъ жениха, а иногда и невѣсту.

Въ горахъ, гдѣ кочуютъ курды, очень часто попадаются небольшія груды каменьева. Это значитъ, что тамъ похороненъ недостижшій своей цѣли молодой курдь. Каждый проезжій, или прохожій по обычаю долженъ поднять съ земли камешекъ и бросить его на могилу убитаго. И вотъ изъ этихъ-то каменьева образуются бугры на могилѣ. Въ настоящее время обычай похищенія дѣвицъ выходитъ изъ употребленія и замѣняется приобрѣтеніемъ жены посредствомъ купли, какъ у большинства Сибирскихъ инородцевъ. Эта покупка стоитъ весьма дорого. Жениться для курда значитъ лишиться по крайней мѣрѣ половины всего своего состоянія.

Курдь въ высшей степени гостеприименъ, но въ тоже время и чрезвычайно мстителенъ. Онъ съ радушіемъ принимаетъ въ свою палатку странника. Если курдь раненъ бываетъ или ограбленъ, онъ рѣдко обращается къ помощи властей. По опредѣленію своихъ родственниковъ виновный платитъ ему за нанесенное оскорбленіе, или же между ними зарождается вражда и кровавая месть, продолжающаяся нѣсколько десятковъ лѣтъ, переходя изъ рода въ родъ.

Племя езидовъ держится язычества и подвергается преслѣдованію всѣхъ другихъ племенъ, исповѣдующихъ магометанство. Убить и ограбить езида для курда-магометанина значитъ исполнить одинъ изъ своихъ религиозныхъ обрядовъ. Это обстоятельство заставляетъ езидовъ жить сплоченно, подъ покровительствомъ главы своего племени, власть котораго наследственная. Всякій споръ и вражда рѣшается однимъ его словомъ. Во всякія критическія минуты курдь обращается только къ нему.

Курды не имѣютъ письменности, но тѣмъ не менѣе у нихъ есть устная народная поэзія, переходящая по наследству изъ устъ въ уста. Въ своихъ пѣсняхъ курдь воспѣваетъ природу, свои любимыя горы и лѣса, или же подвиги своихъ предковъ, и въ нихъ завѣщаетъ подроставшему поколѣнію мечь къ племени, съ которымъ его община съ давнихъ поръ находится въ кровавой враждѣ. Таковы наши курды.

СВАНЕТЫ И АБХАЗЦЫ.

Сванетія самая гористая и холодная страна на Кавказѣ. Жители ея большею частію бѣлокуры, носятъ волосы, обстриженные въ снобку, стройны, ловки и сильны; одежда ихъ состоитъ изъ полукафтана, въ родѣ русскаго, только

спереди противъ груди вшиты 12 патроновъ; сверхъ этого, кто по богаче, носятъ архалуки. Языкъ сванетовъ несходенъ съ другими изъ горскихъ племенъ; выговоръ хотя довольно трудный, но мягкій; письменъ не имѣютъ, а употребляютъ грузинскія, особенно для сношенія съ сосѣднею Мингреліею.

Религиозныя вѣрованія сванетовъ какъ и другихъ кавказскихъ горцевъ представляютъ смѣсь христіанства съ язычествомъ и масульманствомъ. Сванеты были нѣкогда настоящими христіанами, о чемъ свидѣлствуютъ доселѣ сохранившіяся церкви, покрытыя листовою мѣдью, съ богатыми серебрянными и золотыми сосудами и прочею утварью. Они уважаютъ уцѣлѣвшіе въ храмахъ образа и каждому изъ нихъ приписываютъ какое нибудь особенное свойство; особенно же почитаютъ иконы Спасителя, Божіей Матери, св. Георгія и Архангела Гавріила. Въ церкви входятъ лишь старики, и то лишь при поминкахъ. *Деканозы* (священники) и смотрящіе за церквами, наследственные въ своемъ родѣ, пользуются уваженіемъ, неприкосновенностію, даже въ случаяхъ кровомщенія. Деканозы, во время службы, вмѣсто ризъ, которыхъ не имѣютъ, надѣваютъ бѣлый войлокъ или полотно, а вмѣсто эпитрахили употребляютъ веревку, составленную изъ многоихъ вмѣстѣ сшитыхъ, и не только не знаютъ церковной службы, но даже ни одной молитвы. При свадьбахъ ограничиваются слѣдующимъ обрядомъ: въ домѣ жениха сажаютъ молодыхъ, *деканозъ* связываетъ узломъ полу платья жениха съ рукавомъ невѣсты и произнеся надъ ними: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», а потомъ: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», поздравляетъ новобрачныхъ; тѣмъ вѣнчаніе и кончается. Болѣе одной жены имѣть не дозволяется, и если кто желаетъ жениться на другой, тотъ долженъ отпустить прежнюю. Если мужъ умереть, то на женѣ его женится братъ умершаго; если же такого нѣтъ, она свободна. Сидѣть съ женой считается за стыдъ; сванеть о женщинѣ говорить не охотно. При погребеніи поютъ только: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу!» Богатыхъ владутъ въ гробы и хоронятъ въ особыхъ скленахъ, бѣдныхъ же просто зарываютъ въ землю. При рожденіи младенцевъ весь обрядъ крещенія ограничивается сотвореніемъ надъ новорожденнымъ крестнаго знаменія. Говорятъ за вѣрное, и сванеты сами подтверждаютъ это, что при рожденіи въ семьѣ четвертой дочери, если прежнія живы и въ бѣдности, новорожденной владутъ въ ротъ соли, чтобъ она умерла. Въ землѣ, гдѣ пропитаніе дорого, не могущія добывать его собственными руками служатъ чистымъ бременемъ. Клятву сванеты обыкновенно совершаютъ предъ образомъ, бросая къ нему пулю и произнося: «если измѣню, то поразить меня эта пуля!» Деканозъ подымаетъ пулю и бросаетъ на клянущагося, и какъ народъ суевѣренъ въ высшей степени, то подобная клятва почти никогда не нарушается. Они вѣрятъ въ сновидѣнія, охотники толковать ихъ и обращать вниманіе на различныя предзнаменованія. Если двое или трое собрались на какое-нибудь предпріятіе, то каждый изъ нихъ прежде попробуетъ счастье свое выстрѣломъ по птицѣ, и если не убьетъ ея, то возвращается домой въ полной увѣренности, что въ замышляемомъ дѣлѣ успѣха не будетъ. Сванеты удивительные стрѣлки. Въ походахъ, чтобы не накликалъ дождя, грома или снѣга, не говорятъ между собою, а идя въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, поютъ про себя духовныя пѣсни, но такъ чтобы передній не могъ слышать задняго, и наоборотъ. Они вѣрятъ въ переселеніе душъ. Въ Бутаисѣ какъ-то заболѣлъ одинъ

сванеть и былъ отравленъ въ госпиталь, гдѣ умеръ. Вскорѣ явились его родственники и просили выдать тѣло покойника, но какъ оно было похоронено, то въ этой просьбѣ имъ было отказано. Тогда сванеты подошли къ кровати, на которой скончался ихъ единоземецъ, и стоя на колѣняхъ и оплакивая умершаго, шептали какія-то слова, потомъ пошли на кладбище къ его могилѣ, и на мѣстѣ, противъ котораго въ землѣ лежала его голова, вылили бутылку водки, выкопали небольшую яму, посадили въ нее пѣтуха (для женщинъ сажаютъ курицу), взяли горсть выкопанной земли, завязали узелокъ, и послѣ долгаго шептанія, понесли пѣтуха домой, наигрывая на *цунуръ* (національномъ инструментѣ), напѣвая погребальную пѣсню и не отвѣчая никому на разпросы...

По ихъ мнѣнію, душа покойника переселилась въ пѣтуха и они спѣшили отнесть ее къ матери умершаго и тамъ уже совершали по немъ оплакиваніе и поминки.

Въ началѣ августѣ 1883 года въ Сванетіи выпалъ довольно глубокой снѣгъ, и это обстоятельство не мало встревожило жителей на счетъ будущаго урожая. Они собрались для выясненія причины, почему Богъ прогнѣвался на Сванетію и послалъ такой ранній снѣгъ. Одни объяснили это упраздненіемъ обычая праздновать субботу и пятницу, другіе приписывали безвременному вставанію роженицъ: онѣ не должны де вставать ранѣе четырехъ недѣль. Наконецъ рѣшено было принести Богу въ жертву тучную корову, которая тутъ же была куплена и оставлена во дворѣ церкви.

Къ новому болѣе просвѣщенному и добросовѣстному духовенству, противящемуся жертвоприношеніямъ, сванеты не благоволятъ; такому духовенству буквально приходится сидѣть безъ куска хлѣба и безъ жалованья.

Въ Абхазіи христіанство прочно было насаждено и утверждено трудами греческихъ проповѣдниковъ послѣ покоренія ея въ 550 году при императорѣ Юстиніанѣ II. Греки основали въ ней нѣсколько колоній, на что указываютъ остатки древнихъ замковъ, храмы византійской архитектуры, гробницы и слѣды дорогъ въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ.

Турки, завоевавъ Абхазію, обратили ся жителей въ магометанство, но при всѣхъ усиліяхъ не могли совершенно уничтожить у нихъ воспоминанія о христіанствѣ. Абхазскіе магометане не отказываются ни отъ вина, ни отъ свинины. Христіане и магометане празднуютъ вмѣстѣ Рождество Христово, Святую Пасху, употребляя обыкновенно въ пищу красныя яйца, Духовъ День и Св. Ілію, *джуму* (пятницу), и *байрамъ* (мусульманскій праздникъ) и постятся въ *рамазанъ* и въ Великій Постъ, чтобы не давать другъ другу соблазна. Тѣ и другіе уважаютъ въ одинаковой степени священныя лѣса и боятся горныхъ и лѣсныхъ духовъ, которыхъ благосклонность они снискиваютъ небольшими жертвами, приносимыми по старой привычкѣ, но тайкомъ. Клятвы, данныя на развалинахъ православныхъ храмовъ, абхазцы считаютъ священными и непреложными, а въ важныхъ случаяхъ жизни, для принесенія клятвы, они прѣзжаютъ въ Цицидскій монастырь, который ими особенно чтится. Такимъ образомъ и по настоящее время абхазцы остаются полухристіане, полумагометане и отчасти язычники.

ЗАМѢТКИ И СООБЩЕНІЯ О ПЕЧАТИ.

Если, какъ это утверждаютъ люди, знакомые съ печатнымъ словомъ, въ теченіе прошедшихъ десяти-пятнадцати лѣтъ, такъ называемая, «народная» литература весьма мало и рѣдко

обращала на себя вниманіе нашей журналистики, то въ наше время вовсе не рѣдкость встрѣтить въ газетахъ и журналахъ статьи, посвященныя этому предмету. Вопросъ о способахъ, приѣмахъ и средствахъ распространенія образованія въ массѣ простаго народа вообще, и въ частности вопросъ о народномъ чтеніи, т. е. о томъ, что и какъ должно писать для простаго народа въ послѣднее время нѣсколько разъ подвергался уже обсужденію въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ. Теперь стали уже смотрѣть на изданіе народныхъ книгъ, какъ на одно изъ самыхъ серьезныхъ движеній печати, какъ на дѣло, посредствомъ котораго одинаково возможно припести для народа, какъ великую пользу, такъ и большой вредъ. Всѣ согласны въ томъ, что предназначаемыя для народа книжки должны въ своемъ содержаніи и изложеніи строго соображаться съ потребностями и идеалами простаго народа, что народныя изданія должны удовлетворять чувству правды и чести; должны содѣйствовать выработкѣ въ общественномъ сознаніи идеаловъ благочестія, вѣры, христіанской любви, вѣрности, патриотизма и т. п. добродѣтелей. Но это все желанія, не выходящія изъ предѣловъ «должно», что же на самомъ дѣлѣ даютъ народу распространяемыя среди его книжки? Не такъ давно въ «Новомъ Времени» (№ 3356) мы встрѣтили статью г. В. Чуйко «о народныхъ книжкахъ», статью, представляющую довольно полныя, хотя и не во всемъ, какъ кажется намъ, вѣрныя наброски характеристики народной литературы. По мнѣнію автора этой статьи, всѣ народныя книжки:

«...ни въ какомъ случаѣ не достигаютъ своей цѣли и скорѣе могутъ быть вредны, чѣмъ полезны. Народу необходимо чтеніе, но питая фантазію, оно должно удовлетворять чувству нравственной и художественной красоты,—чувству, которое отвѣчаетъ идеаламъ, лежащимъ—можетъ быть смутно и невѣдомо для него самого—въ душѣ всякаго человека. Къ несчастью, вся наша промышленная народная литература не только не удовлетворяетъ этому чувству, но разстроиваетъ воображеніе и чувство».

Да это и понятно, если повѣрить автору названной нами статьи, что издатели книжекъ для народа—люди, стремящіяся не къ просвѣщенію народа, но «беззащитныя промышленники», заботящіяся исключительно «о наполненіи собственнаго кармана» народными деньгами. Книжки эти пишутъ, по словамъ г. Чуйко, въ лучшемъ случаѣ «недоучившіеся студенты», а то и досужіе приказчики съ Никольской, «полу-грамотный людъ, состоящій на жалованьи у издателей». По роду своему, всѣ народныя книжки можно подраздѣлить на нѣсколько отдѣловъ. Всего болѣе расходятся въ народѣ и пользуются успѣхомъ произведенія, составленныя въ жанрѣ древнихъ русскихъ народныхъ сказокъ. Но всѣ эти сказки ровно ничего не даютъ народу, кромѣ пищи для самой дѣтской пустой фантазіи. Въ большинствѣ изъ нихъ русскій міръ съ его бытовой и нравственной жизнью совершенно не замѣтенъ. Въ большинствѣ случаевъ въ основаніи сказки не лежитъ никакой дѣльной, человѣческой идеи; а въ содержаніи преобладаетъ средневѣковой рыцарскій бытъ западной Европы со всѣми его фантастическими, пустыми характеристическими особенностями: турнирами, охотой и проч. Все это такъ пошло, ни къ чему не годно и совершенно не доступно русскому народному пониманію. Гораздо удачнѣе выходятъ пересказы былинъ и старыхъ, собственно русскихъ, сказокъ: въ нихъ все таки сохранилось еще кое что изъ народнаго творчества, напоминающее собою далекія времена минувшей жизни русскаго народа. Столько же мало хорошаго представляютъ

собою и всѣ другіе роды современной народной литературы: пересказы шекспировскихъ пьесъ, беллетристическія произведенія и проч. Само собою понятно, что всѣ такія народныя изданія Никольской улицы и Апраксина двора, вся эта пустая и часто вредная литература вовсе не можетъ дать народу разумной и полезной пищи, вовсе не въ состояніи создать въ народѣ желательную сумму здоровыхъ общественныхъ идей. Обращаясь къ книгамъ религіознаго содержанія, издаваемыхъ Манухинымъ, Морозовымъ и другими, авторъ говоритъ слѣдующее:

«Другая существенная потребность духовной жизни народа—книги религіознаго содержанія—еще менѣе удовлетворяется московскими издателями. Назидательныя книжки, въ родѣ: „Неизбѣжный путь“, „Страсти Христовы“.

«Объ антихристѣ и концѣ міра» составлены изумительно бездарно, книжнымъ семинарскимъ языкомъ со множествомъ текстовъ по церковно-славянски. Такія

„книжки, если и читаются народомъ (а читать ихъ очень скучно)? проходятъ совершенно безслѣдно, оставляя въ душѣ пустоту еще большую, чѣмъ была прежде. Отчего бы для народа не перепечатать дабы сказки Флобера: „легенда о святомъ Юліанѣ Милостивомъ“ и „Иродіада“. Какъ онѣ высоко-поэтичны, и какъ, въ концѣ концовъ, понятны народу, какъ много говорятъ народной душѣ!“

Мы не понимаемъ, однако, какъ можно такіе рассказы рекомендовать для чтенія народу и распространенія въ средѣ его! Легенды Густава Флобера ни съ какой стороны не заслуживаютъ того, чтобы безъ опасенія большого вреда ихъ можно было предлагать вниманію нашего простаго общества въ религіозно-нравственныхъ цѣляхъ. Чѣмъ подкупилъ г. Чуйко сказки Флобера въ свою пользу—рѣшительно нельзя объяснить себѣ. Развѣ своимъ заглавіемъ и внѣшними качествами? Но вѣдь заглавіе перваго напр. разсказа «Юліанъ Милостивый» почти нисколько не соотвѣтствуетъ содержанію его. Книжка содержитъ въ себѣ не изображеніе подвиговъ милосердія Юліана, чего въ правѣ ожидать отъ нея читатель по ея заглавію; вѣтъ, въ большей части ея описываются кровожадность и разныя преступленія Юліана, и только какія-нибудь (изъ 48) пять-шесть страницъ посвящены изображенію милосердія героя легенды. И эти рассказы вовсе не даютъ здоровой духовной пищи; и они страдаютъ тѣми же недостатками, за которые справедливо укоряетъ самъ же г. Чуйко московскихъ издателей народныхъ книгъ. Содержаніе легендъ Флобера въ своихъ частностяхъ такъ же чуждо русскому пониманію, такъ же мало идетъ къ міровоззрѣнію и характеру русскаго народа, какъ содержаніе другихъ народныхъ книжекъ, заимствующихъ свои предметы изъ жизни средневѣковаго рыцарства и замка. Притомъ въ текстѣ рекомендуемыхъ разсказовъ встрѣчается слишкомъ много иностранныхъ словъ и непонятныхъ для народа оборотовъ, въ силу чего рассказы эти уже никакъ не могутъ быть понятными для народа. Далѣе г. Чуйко находитъ, что онѣ «высоко поэтичны и много говорятъ народной душѣ». Въ нихъ, дѣйствительно, очень замѣтенъ фантастическій элементъ, мало, правда, походящій на высокую поэзію. Описываемыя въ первой напр. легендѣ: явленіе матери старца, предсказывающаго «не разжимая губъ», о судьбѣ ребенка, встрѣча Юліана съ оленемъ, который «человѣческимъ голосомъ» трижды проклялъ его и другія неимѣющія ничего общаго съ дѣйствительностію приключенія,—все это составляетъ продуктъ фантазіи автора, совершенно забывшаго о существованіи законовъ поэтической возможности. То будетъ уже не свобода поэтической творчества, если авторъ позволяетъ себѣ обращаться съ предметами

и лицами, какъ угодно его безотчетной фантазіи, но чистый произволь. Поэзія есть творчество, но творчество въ области дѣйствительнаго, возможнаго и истиннаго, но не въ области лжи, невѣроятностей и всякихъ несообразностей. Фантастическій элементъ лишаетъ эти рассказы всякаго довѣрія къ нимъ въ глазахъ простаго народа. Этотъ послѣдній, какъ скоро сознаетъ, что того, что онъ читаетъ, никогда не могло быть, перестаетъ вѣрить книжкѣ, не обращаетъ должнаго вниманія на другія мысли, заслуживающія полнаго довѣрія; а то и просто бросаетъ книжку недочитанной. Такимъ образомъ отъ этихъ легендъ совсѣмъ нельзя ожидать, чтобы онѣ «много говорили народной душѣ». Въместо пользы онѣ способны только увеличить собою развѣ суевѣрія и новѣрія, которыя и безъ того держатъ въ рабствѣ нашъ простой народъ. Но это еще не всѣ недостатки легендъ Флобера. Въ нихъ встрѣчаются прямыя оскорбленія религіозно-нравственнаго чувства, и рождаются ложныя воззрѣнія, несогласныя съ учепіемъ православной церкви, замѣтно искаженное представленіе личности Иисуса Христа, что объясняется влияніемъ на автора католицизма (подробнѣе см. объ этомъ въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» статьи свящ. Гр. Дьяченко, объ изданіи народныхъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія). Въ легендахъ г. Флобера довольно ясно просвѣчиваетъ далѣе идея слѣпой судьбы, фатализма, идея совершенно чуждая православному міровоззрѣнію и губительно дѣйствующая вообще на волю человѣка. Эту ли идею слѣпой судьбы желательно защитникамъ легендъ Флобера привить къ простому народу, къ сожалѣнію, и безъ того много придающему ей значенія? Повторяемъ, что мы вовсе не понимаемъ, какъ можно рекомендовать народу такія изданія, хотя бы то и со стороны непривлеченныхъ радѣтелей религіозно-нравственныхъ интересовъ его, почему-то однако считающихъ себя компетентными въ этомъ дѣлѣ. Г. Чуйко, должно быть, увлекся въ легендахъ Флобера по мѣстамъ дѣйствительно живымъ изложеніемъ событий, подчасъ свѣжими поэтическими красками при изображеніи чувствъ и просмотрѣлъ весь мусоръ, въ обиліи разсыпанный въ нихъ. Но и эти достоинства легендъ еще мало даютъ имъ цѣны въ глазахъ народа, мало возвышаютъ ихъ предъ нимъ надъ изданіями, составленными, какъ выражается авторъ статьи «книжнымъ семинарскимъ языкомъ съ множествомъ текстовъ по церковно-славянски». Мы понимаемъ, какой языкъ у людей этого лагеря принято называть подобными эпитетами и думаемъ, что такой языкъ отнюдь не служитъ недостаткомъ народныхъ книгъ. Житія святыхъ, прологи и патерики, написанные славянскимъ языкомъ, съ самаго принятія христіанства составляли любимое чтеніе русскаго православнаго народа и не потеряли интереса для него и до настоящаго времени. Простой народъ любитъ церковный языкъ, и изданія, умѣло составленные на такомъ языкѣ, съ чрезвычайною быстротою расходятся и теперь въ народѣ. Какъ на подтвержденіе своей мысли, мы можемъ указать въ этомъ случаѣ на «Троицкіе листки», пользующіеся въ народѣ громадною популярностію и, не смотря сравнительно на недавнее свое существованіе, усилившіе уже разойтись въ количествѣ восьми милліоновъ. Мы остановились на приведенныхъ мысляхъ автора статьи единственно затѣмъ, чтобы показать, какъ необходимы осторожность и тщательный выборъ при изданіи книгъ и брошюръ для народа съ цѣлію содѣйствія его религіозно-нравственному развитію. Особенно осторожнымъ нужно быть тогда, когда дѣло идетъ

объ изданіи книгъ иностранныхъ писателей; въ противномъ случаѣ очень легко чрезъ печатное слово вмѣстѣ съ пшеницею посѣять еще на необработанномъ полѣ и плевелы.

БИБЛИОГРАФІЯ.

«Троицкіе листки, духовно-нравственное чтеніе для народа». Изданіе Св.-Троицкаго Сергіева Лавры, одобренное Министрствомъ Народнаго Просвѣщенія для начальныхъ училищъ. Выпускъ VII. Москва 1885 г. ц. 40 к., съ пер. 50.

Выраженная какъ-то въ этомъ году, по одному случаю, «Москов. Церк. Вѣдом.» надежда, что издатель троицкихъ листковъ не опочіетъ на сдѣланномъ уже имъ доселѣ, но продолжать свое святое дѣло, не замедлила оправдать себя. Недавно вышелъ въ свѣтъ новый, седьмой по счету выпускъ троицкихъ листковъ. Выпускъ этотъ заключаетъ въ себѣ сорокъ номеровъ (№№ 241—280). Содержаніе его во всемъ подобно прежнимъ выпускамъ. Издатель листковъ твердо и точно держится своей главной цѣли: дать народу религиозно-нравственное, по преимуществу назидательное чтеніе живо дѣйствующее на сердце читателя. Большая часть и новыхъ листковъ заимствована изъ твореній Богомудрыхъ древнихъ отцовъ и учителей Церкви: св. Іоанна Златоустаго (249, 251), Григорія Богослова (256), Григорія Нисскаго (258). Много также приводится выписокъ изъ писаній древнихъ пастырей русской, отечественной церкви: св. Димитрія Ростовскаго, Іліи Миніяты, Георгія Коняскаго, св. Тихона Задонскаго, преп. Нила Сорскаго и др. Есть поученія, заимствованныя и у болѣе позднихъ проповѣдниковъ нашихъ, по преимуществу отличающихся простотою и сердечностью пастырскаго слова. Только треть выпуска составлена вновь самой редакціей. Но и эти листки отличаются тою-же помзанностью слова, имѣютъ тотъ же глубоко назидательный тонъ, какъ и творенія древнихъ пастырей, такъ что, по духу своему близко подходятъ къ писаніямъ отеческимъ. Въ нихъ въ обилии, какъ самыя лучшія и дѣйствительныя убѣжденія, входятъ: воспоминанія о жизни и подвигахъ святыхъ, назидательныя рассказы христіанъ, внимательныхъ къ путямъ Промысла Божія, рассказы о современныхъ дѣйствіяхъ вѣры и благодати Божіей въ народѣ. Что касается содержанія седьмаго выпуска, то предметы его столь же разнообразны, какъ и предметы—ранѣйшихъ выпусковъ. Здѣсь между прочимъ, приводится въ словахъ Іоанна Златоуста догматическое ученіе о таинствѣ Христова воплощенія (249), ученіе о грѣхѣ и злѣ Димитрія Ростовскаго (252), православно-церковное ученіе о таинствѣ покаянія, второмъ пришествіи, всеобщемъ воскресеніи и проч.; здѣсь же излагается «ученіе св. Апостола Петра (274) и евангельское, отъ св. Ап. Павла благовѣствованное» (275). Въ этомъ же выпускѣ помѣщено изложеніе (переводъ на русскій яз.) пасхальнаго Евангелія (265), изложеніе съ общимъ объясненіемъ надгробнаго Евангелія (268), изложеніе съ краткой исторіей праздника Евангелія пятидесятницы (270). Съ литургическимъ содержаніемъ встрѣчаются два листа, изъ которыхъ одинъ (279) содержитъ богослуженіе на день Преображенія Господня, а другой (280)—«богослуженіе на день Успенія Богоматери. Остальные листки имѣютъ содержаніе нравственно-назидательное. До девяти листковъ снабжены соотвѣствующими ихъ содержанію рисунками.

Можно порадоваться появленію этого новаго плода неустанныхъ трудовъ издателя троицкихъ листковъ, этому новому изданію съ нравственно-религиознымъ содержаніемъ въ

строго-православномъ духѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и этотъ выпускъ также скоро разойдется, какъ и предшествующіе ему шесть, встрѣтивъ въ средѣ многочисленныхъ своихъ читателей то же сочувствіе, какое встрѣчали къ себѣ листки доселѣ. Пастыря церкви, опытомъ узнавшіе удобное приложеніе листовъ во виѣ—богослужебныхъ собесѣдованіяхъ съ своими прихожанами, а также при преподаваніи Закона Божія въ народныхъ школахъ, найдутъ для себя достаточно подходящаго матеріала и въ новомъ выпускѣ. Неоспоримо, что троицкіе листки вообще-одно изъ самыхъ лучшихъ полезныхъ изданій, предназначающихся для народнаго чтенія въ цѣляхъ духовнаго просвѣщенія простаго народа. Обнимая и разъясняя по частямъ всѣ главнѣйшіе вопросы религіи и нравственности, листки при полнотѣ своего содержанія совершенно доступны необразованному народу и по формѣ изложенія. Народъ именно и нуждается въ такомъ чтеніи, которое бы давало ему простую, здоровую духовную пищу, живо и убѣдительно выясняло всѣ главнѣйшія обязанности къ Богу, ближнему и самому себѣ. Простой народъ особенно любитъ чтеніе назидательное, а этому требованію или нуждѣ листки удовлетворяютъ болѣе, чѣмъ какія либо другія изданія. Въ этомъ отношеніи Троицкіе листки смѣло можно ставить въ образецъ при изданіи народныхъ книгъ съ религиозно-нравственнымъ характеромъ. Въ виду всего этого намъ остается пожелать, чтобы редакція Троицкихъ листковъ продолжала свое святое дѣло.

Отъ той же редакціи отдѣльной книгой вышло: «Житіе и подвиги преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго и всея Россіи чудотворца». Большой томъ съ художественными картинками изъ жизни Угодника, Божія и многими рисунками въ текстѣ (всего до 65 рисунковъ).

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

ИЗЪ СЕРГІЕВА ПОСАДА.

Въ Московской Духовной Академіи 17-го августа обычнымъ порядкомъ начались пріемныя испытанія студентовъ семинарій, пріѣхавшихъ съ цѣлію поступить въ составъ новаго академическаго курса (XLIV). Всего пріѣхало къ экзаменамъ 98 человекъ. Самое крупное количество составляютъ студенты Московской семинаріи (14, изъ которыхъ 1 присл.). За ними слѣдуютъ студенты семинарій: Виѣанской (всего 8, 2 присл.), Тульской (7, изъ нихъ 1 пр.), Калужской (изъ 6-ти 1 пр.), Костромской (6), Владимірской (5, 2 пр.), Ярославской (5, 2 пр.), Рязанской (5, 1 пр.), Волинской (4, 1 пр.), Воронежской (3, 1 пр.), Черниговской (3, 1 пр.), Орловской (3, 2 присл.), Вятеринославской (2, 1 пр.), Нижегородской (2, 1 пр.), Тверской (2 вол.), Тамбовской (2, 1 пр.), Смоленской (2 вол.), Могилевской (2, 1 пр.), Новгородской (2, 1 пр.). Семинаріи: Астраханская, Вологодская, Вятская, Донская, Курская и Таврическая имѣютъ на экзаменахъ по одному представителю (присл. на казенный счетъ). Изъ семинарій: Саратовской, Симбирской, С.-Петербургской, Тифлисской и Харьковской явилось къ началу испытаній по одному волонтеру. Кромѣ перечисленныхъ студентовъ русскихъ семинарій сдаютъ пріемныя испытанія: болгаринъ—діаконъ, сербъ (волонтеръ Вѣлградской семинаріи) и чернигорецъ. Между испытуемыми есть два священника (студенты Костромской и оронекской семинарій).—Согласно опредѣленію совѣта ака-

демія, пріѣхавшіе на экзаменъ будутъ подвергнуты испытанію по Священному Писанію (Ветхаго и Новаго Заветѣ), по Церковной Исторіи и по Догматическому Богословію и сверхъ того должны написать по три сочиненія — экспромпта. Два сочиненія экзаменуемыми уже написаны. Одно (по Св. Писанію) — на тему: «объяснить слова апостола: *весь законъ во единомъ словеси исполняется во еже: возлюбилши ближняго твоего якоже себе* (Галат. 5, 14)». Другое изъ представленныхъ уже сочиненій (по догмат. Богословію) писано на тему: «что сказать противъ мѣнія, будто изученіе догматовъ вѣры ослабляетъ самую вѣру?» — Стипендіи, которыя будутъ предоставлены студентамъ имѣющаго образованія курса, всего 49 (изъ нихъ 45 казенныхъ и 4 — частныхъ).

Р. С. Въ составъ новаго курса совѣтъ Академіи предположилъ вызвать 30 человекъ на казенный счетъ; но прибыло, какъ это видно изъ представленнаго нами перечня, только 26, остальные четверо отказались.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПРОТОІЕРЕЙ П. Е. СОКОЛОВЪ.

(Некрологъ).

15-го августа въ 6½ часовъ по полудни безболѣзненно, мирно, тихо окончилъ свою жизнь на 90 году отъ роду заштатный Большовознесенскій, что у Никитскихъ воротъ, протоіерей Петръ Евилевичъ Соколовъ. Это былъ одинъ изъ старѣйшихъ и достойнѣйшихъ протоіереевъ Московскихъ и весьма уважаемый и почитаемый прихожанами церкви Вознесенія Господня и всѣми сколько нибудь знавшими его краткія біографическія свѣдѣнія о немъ напечатаны въ «Моск. Церк. Вѣд.» въ № 7 за 1883 годъ, когда праздновался шестидесятилѣтній юбилей его пастырскаго служенія). Поэтому вѣсть о смерти прот. П. Е. Соколова тотчасъ же разнеслась по всѣмъ домамъ. И уже на первой панихидѣ, совершенной послѣ облаченія почившаго, было очень много молящихся объ упокоеніи его души. На другой день (16 числа) послѣ ранней обѣдни на панихиду явились всѣ бывшіе въ церкви. А потомъ двери квартиры покойника уже не затворялись, постоянно народъ приходилъ проститься съ своимъ пастыремъ. Въ этотъ день — пятницу и субботу едва ли не ежечасно совершались панихиды многими протоіереями и іереями, почитателями прот. П. Е. Почтили память его служеніемъ панихидъ протоіерей: І. Н. Рождественскій, Д. І. Кастальскій, П. В. Пряклонскій, П. І. Соколовъ, В. Е. Свѣтовидовъ, П. А. Преображенскій.

Въ воскресенье 18 числа къ 9 часамъ утра на вынось тѣла почившаго прот. П. Е. Соколова пріѣхалъ преосвященный Мисаилъ, епископъ Дмитровскій, первый викарій Московскій. Онъ же служилъ и литургію. Сослужащими ему были протоіерей: Д. І. Кастальскій, П. І. Соколовъ, В. Е. Свѣтовидовъ, священники: Н. А. Соловьевъ, І. Д. Арбековъ, М. І. Соколовъ. вмѣсто причастнаго стиха протоіерей Д. І. Кастальскій произнесъ слѣдующее надгробное слово изъ текста:

Дніе тѣхъ нашихъ семьдесятъ лѣтъ, еще же въ силахъ во семьдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь. Пс. LXXXIX. 10.

Съ избыткомъ исполнилъ старецъ Божій мѣру человеческой жизни, опредѣленную почти за три тысячи лѣтъ назадъ многосвѣдущимъ въ жизни и богодухновеннымъ проро-

комъ. Въ восемьдесятъ, и выше восьмидесяти лѣтъ онъ былъ еще въ силахъ и только къ концу девятаго десятилѣтія жизнь для него стала трудомъ и болѣзнію. Шесть царствованій легло между колыбелью и могилою почившаго; семь Московскихъ іерарховъ преемственно благословляли его дѣтство съ обученіемъ, мужество съ служеніемъ и его великую старость. Да, это послѣдній листъ, падающій съ стараго дерева, начавшій расти еще не въ нашемъ вѣкѣ: все что росло вмѣстѣ съ нимъ, давно уже въ землѣ. А лучше сказать: это послѣдній, отпадающій теперь плодъ, вполне созрѣвшій для новой жизни.

Сынъ бѣднѣйшаго причетника бѣднѣйшаго села, знакомый съ нуждою въ самыхъ крайнихъ и тяжелыхъ ея видахъ: ходившій по временамъ и въ лаптяхъ, помогавшій отцу въ тяжелыхъ деревенскихъ работахъ, на юныхъ ногахъ путешествовавшій во время школьныхъ отпусковъ по снѣжнымъ сугробамъ и весеннимъ разливамъ, терпѣвшій, случалось, и настоящій голодъ, — и все это въ дѣтствѣ и юности, когда и самый возрастъ и школьныя занятія требовали нѣкоторыхъ удобствъ, — этотъ человекъ такъ освоился со всякими лишениями, что ничто не могло останавливать его мѣрнаго, правительнаго и твердаго шествія къ священному сану, къ которому онъ готовился. Житейская школа выучила его своей наукѣ раньше школы книжкой. Въ ней то онъ научился покорности воли Божіей, упованію на Бога, терпѣнію и труду, скромности и смиренію, почтенію къ старшимъ и повиновенію властямъ, умѣренности и умѣнью довольствоваться не многимъ, — свойства, которыя отличали его во всю жизнь. А если нужно сказать что нибудь и о школѣ книжкой, научной, то въ свое время и въ ней онъ былъ не менѣ блестящей звѣздой, какъ и даровитыя личности нашего и позднѣйшихъ поколѣній. И во время служенія своего, уже въ мужескомъ возрастѣ, когда въ средѣ другихъ характеровъ и дарованій личныя выдававшіяся особенности наши сглаживаются и тускнѣютъ, когда и стремленіе къ отличіямъ, особенно школьнымъ, исчезаютъ, — онъ по своимъ знаніямъ, основательному уму и даже остроумію былъ бы, и бывалъ, не безонаснымъ соперникомъ тому, кто захотѣлъ бы вступить съ нимъ въ состязаніе. Но пустыхъ, безцѣльныхъ состязаній онъ не любилъ. По свойству своего характера, всегда спокойнаго, яснаго, благодушнаго, онъ любилъ бесѣды мирныя и непремѣнно поучительныя, дающія нравственное назиданіе. Если онъ вступалъ въ состязаніе, то только тогда, когда дѣло шло о святыхъ истинахъ вѣры и уставахъ церкви. Да, имѣется въ жизни его и такая заслуга, къ которой способенъ не всякій, которая и назначается только нѣкоторымъ по особому изволенію Божію: силою своего убѣжденія онъ устыждалъ и обуздывалъ легкомысленныхъ вольнодумцевъ и невѣрующихъ, умѣлъ покорять вѣрѣ Христовой, — и это было не единожды, а думается, многожды. А вы знаете: «аще кто заблудитъ отъ пути истины, и обратитъ кто его, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу его отъ смерти и покрываетъ множество грѣховъ». Іак. V. 20. А это важнѣе и цѣннѣе всякихъ словопретельныхъ побѣдъ; это лучшее доказательство не ума только и знанія, а великой силы цѣлой души; здѣсь побѣда не надъ умомъ, а надъ всею душой.

Изъ того, что относится къ видимой сторонѣ жизни покойнаго для болѣе полного почтенія памяти его, мы должны вспомнить, что Господь еще въ ранніе годы удостоилъ его

сапа священства. Прозорливый архипастырь Филаретъ видѣлъ въ немъ надежнаго дѣятеля, нескучно одареннаго талантами отъ Господа и скоро поручилъ ему великое дѣло преподаванія Закона Божія въ училищѣ благородныхъ дѣвицъ. Это служеніе не только вызвысило его въ глазахъ архипастыря, но приобрѣло ему и уваженіе властныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, и даже, знакъ Высочайшей милости, который равно украсилъ грудь его, — со стороны воспитанныхъ имъ дѣвицъ память и уваженіе во всю ихъ и его жизнь, — лучшая награда учителю Закона Божія и всякому воспитателю. Затѣмъ, когда онъ получилъ служеніе въ семь св. храмѣ, то мы помнимъ время, — и оно продолжалось долго, — когда подъ эти обширные своды изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ столицы по праздникамъ сходилось и съѣзжалось великое множество богомольцевъ, искавшихъ благоговѣйнаго служенія и назидательнаго поученія. Не малая заслуга наша, если мы не отталкиваемъ молящихся отъ церкви, — и очень великая, если молящихся и не молящихся привлекаемъ къ церкви. — Должно упомянуть и о томъ, что не мало именитыхъ, христіански настроенныхъ людей, желало быть духовными дѣтьми и пользоваться мудрыми совѣтами покойнаго служителя Божія. Упомянемъ и о томъ, что множество бѣдныхъ родственниковъ и родственницъ получало отъ него пособие или полное устройство при выходѣ въ замужество. Не станемъ говорить о такъ называемыхъ наградахъ и отличіяхъ покойнаго, когда намъ надо молить, а ему уповать награды отъ Бога. Вотъ видимое отличіе его, полученное не отъ людей, а отъ Бога: онъ началъ уже девяностый годъ своей жизни и теперь шель шестьдесятъ третій годъ его священства. Мы думаемъ, что такое рѣдкое долголѣтіе есть заслуженное отличіе покойнаго и его достоинство: оно свидѣтельствуетъ о правильной жизни, а самая правильная жизнь есть жизнь богоугодная, такая жизнь, когда мы не растлѣваемъ ее праздностію и бездѣйствіемъ, и не расточаемъ безумно на страсти и прихоти. Жизнь — данный отъ Бога талантъ: она сохраняется умѣренностію и воздержаніемъ и увеличивается трудомъ. Трудъ тоже, что выгодный оборотъ: правильную затрату силъ онъ вознаграждаетъ новыми силами и съ лихвою. Потому думаемъ, что и старость есть достоинство и заслуга. Правда, сказано: старость честна не долготѣнна: но сказано также нѣчто и о такой старости, которая честна и долготѣнна: одной такой старости было обѣщано Духомъ святымъ не видѣть смерть, дондеже увидитъ Христа Господня, и она увидела Христа Господня и съ миромъ отошла ко Господу. Думаемъ: не было ли чего подобнаго и съ нашимъ праведнымъ старцемъ?

Все сказанное относится къ видимой сторонѣ жизни, удобно наблюдаемой и посторонними людьми. Но какъ много мы теряемъ отъ того, что мало и невнимательно наблюдаемъ духовную жизнь такихъ людей, какъ почившій рабъ Божій, протоіерей Петръ! Но и немногое, что мы знаемъ и можемъ припомнить, можетъ говорить намъ много о глубокой вѣрѣ и глубокомъ благочестіи его. Кто видѣлъ его въ молитвенномъ настроеніи и особенно при совершеніи великаго таинства, тому казалось, что онъ предзрѣлъ Самаго Господа предъ собою: уразумѣваемъ, какъ просвѣтлены были очи вѣрующей души его. Въ обыкновенное время, которое мы тратимъ на житейскія занятія, при нечаянныхъ посѣщеніяхъ часто находили его въ молитвенномъ занятіи, за чтеніемъ акафиста или псалтири: одинокій по неволѣ, онъ уже по доброй волѣ дѣ-

лался отшельникомъ и подвижникомъ. Не мало послалъ Господь испытаній на долю его. Ранняя смерть любимой жены, преждевременная потеря дѣтей, доставившая ему, дряхлому старцу, заботу объ осиротѣлыхъ внукахъ, и въ особенности къ концу жизни, невозможность по слабости силъ совершать богослуженіе, что было отрадой и упокоеніемъ его духа, — конечно должна была сильно омрачать и огорчать его душу: но вотъ какъ велика сила вѣры Христовой: не видали его слезъ, не слышали его воздыханій и жалобъ: съ удивительнымъ благодушіемъ онъ все принималъ или какъ испытаніе, или какъ вразумленіе, или какъ очистительное наказаніе отъ руки Божіей. Это не равнодушіе тупаго чувства; это свѣтлый взглядъ вѣры, обнимающій и земное и небесное, за темными тучами прозрѣвающей теплоту и свѣтъ солнца, за облаками земныхъ бѣдъ видящій марь и радости неба. — До смерти непремѣннымъ правиломъ его было кромѣ обычныхъ дней предъ наступленіемъ поста и въ первые дни Свѣтлой Недѣли посѣтить могилы давно умершей жены и любимыхъ родныхъ, хотя это было на отдаленныхъ и разныхъ кладбищахъ: онъ привѣтствовалъ и прощался съ умершими, какъ съ живыми, мертвые для него были живы, и онъ огорчалъ бы ихъ, если бы забылъ объ нихъ въ такіе дни. Какъ тепла какъ умилительна, какъ достолюбезна такая вѣра! — Замѣчено многими, что онъ дѣлалъ обыкновенно земные поклоны каждый разъ, какъ произносилось прошеніе о христіанской кончинѣ, безболѣзненной, непостыдной мирной. И Господь дѣйствительно даровалъ ему такую кончину. До послѣднихъ дней онъ сохранилъ ясное сознание: онъ не страшился смерти, онъ съ полнымъ спокойствіемъ говорилъ объ ней, готовился къ ней и ждалъ ее. Онъ не страдалъ и не болѣлъ, а только ослабѣвалъ, таялъ и угасалъ, онъ не умеръ, а уснулъ. Уповаемъ, блаженная душа, что Милосердый Господь, даровавшій тебѣ, по молитвѣ твоей, мирную кончину, съ миромъ приметъ тебя и предъ престоломъ правды Своей.

Жительствовавъ во благочестіи и украшенъ священникъ Твой, Христе, жрецъ и приноситель Божественныхъ Таинъ Твоимъ Божественнымъ повелѣніемъ перейде отъ житейскихъ мольвъ къ Тебѣ. Его же яко священника, Спасе, приимъ спаси и съ праведными упокой великіи ради Твоея милости. (Чинъ свѣщ. погребенія). Аминь.

На отиѣваніе погребенія вышли, кромѣ преосвященнаго Мисаила, 11 протоіереевъ, въ томъ числѣ мѣстный благочинный протоіерей П. В. Приклонскій, и 13 священниковъ. При гробѣ произнесено было мѣстнымъ священникомъ Г. Д. Арбековымъ, слѣдующее слово:

Въ послѣдній разъ, отцы и братіе, нынѣ мы собрались повидаться и проститься съ почившимъ отцемъ протоіереемъ. Черезъ часъ гробовая доска скроетъ его отъ насъ навсегда и мы не увидимся уже съ намъ въ этой земной жизни. Печальна и плачевна участь человека! Естественное чувство жизни невольно содрогается при видѣ гроба, какъ при видѣ своего врага. Рано или поздно и намъ придется расстаться съ этою жизнію и со всѣмъ окружающимъ. И горе намъ, если часъ смертный застанетъ насъ внезапно и преждевременно. Блаженъ почившій, отецъ протоіерей! Онъ достигъ такихъ лѣтъ, которыхъ достигаютъ нынѣ весьма рѣдкіе. Онъ пережилъ и тѣ годы, которые назначалъ для смертныхъ людей царь и про-

рокъ Давидъ въ своихъ псалмахъ. Онъ видѣлъ благословеніе Божіе надъ домою своимъ и видѣлъ здѣсь не только внуковъ, но и правнуковъ своихъ.—И умеръ онъ не внезапно. Въ послѣднемъ предсмертномъ состояніи онъ сподобился и причастія св. Христовыхъ Таинъ и таинства Елосвященія. Вообще почившій протоіерей долгъ христіанина вполне исполнялъ. И потому, если предъ другими гробами оплакиваютъ смерть почившихъ, то предъ этимъ гробомъ не столько плакать нужно, сколько утѣшаться и благодарить Бога. Нужно благодарить Бога за то, что почившій протоіерей дожилъ до глубокой старости и во время своей жизни имѣлъ многія утѣшенія. Нужно благодарить за то, что онъ, какъ вѣрный слуга церкви, слѣдуя наставленію священнаго мудреца, постоянно памятовалъ самъ и внушалъ другимъ помнить часъ смертный и будущее возданіе. Благодарить должно и за то, что Господь Богъ даровалъ ему кончану безболѣзненную, мирную, тихую и съ напутствіемъ благодатнымъ, чрезъ тайны церковныя, въ вѣчную жизнь. Но чтобы это благодареніе не оставалось безъ пользы, поучимся у гроба сего, какъ и намъ должно жить.

Вся жизнь почившаго отца протоіерей поучительна для насъ, поэтому нужно бы рассмотреть ее отъ начала до конца. Но у меня не достало бы ни времени, ни силъ изобразить ее предъ вами, отцы и братіе, во всей ея полнотѣ. Въ виду этого, остановлюсь вниманіемъ только на томъ, что одушевляло его жизнь. А одушевляла его жизнь, можно сказать положительно, одна вѣра твердая и живая, вѣра христіанская. Вѣра почившаго протоіерей была выше всякаго колебанія и сомнѣнія. Онъ твердо вѣрилъ въ Бога и Его промыслительное дѣйствіе по отношенію ко всему міру вообще и къ каждому человѣку въ частности. На всѣ жизненныя обстоятельства, которыя касались его лично и его знакомыхъ, онъ всегда смотрѣлъ при свѣтѣ вѣры христіанской. При свѣтѣ этой вѣры и потусторонній міръ представлялся ему также ясно, какъ и этотъ видимый. Не удивительно, его слово «вѣрую» выходило всегда изъ глубины души и было словомъ со властью, которое заставляло вѣровать всякаго. Конечно, не на устахъ только его была такая вѣра. Она вполне проявлялась и во всей его дѣятельности.

Почившій протоіерей съ вѣрою и любовью служилъ Богу, служилъ своимъ пасомымъ и всѣмъ ближнимъ. Служеніе его Богу продолжалось болѣе 60 лѣтъ и всегда было одинаково благоговѣйное. Онъ никогда даже и въ преклонныя своя лѣта не тяготился ни служеніемъ позднихъ обѣдней, ни длиннотою вообще службъ. Не оставлялъ онъ церковныхъ службъ и въ послѣдніе дни своей жизни. Спотыкаясь, съ посохомъ въ рукахъ, онъ всетаки шелъ въ церковь—домъ Господень. Такимъ же усерднымъ и ревностнымъ пастыремъ онъ былъ по отношенію къ пасомымъ. Глубоко вѣрующій и искренно желавшій блага—спасенія своимъ пасомымъ онъ проповѣдывалъ слово Божіе благовременно и безвременно (2 Тим. IV, 2) и въ храмѣ и въ домахъ ихъ. Да, онъ посѣщалъ своихъ пасомыхъ на дому и тамъ велъ душеспасительныя бесѣды съ ними и эти бесѣды всегда имѣли благія послѣдствія. Не оставлялъ своимъ посѣщеніемъ и бѣдныхъ, питалъ ихъ и духовною и тѣлесною пищею, оказывалъ имъ денежное по собіе. А сколько бѣдныхъ и убогихъ со всѣхъ концовъ собиралось едва ли не ежедневно около его келліи! И никто не уходилъ отъ него, ничего не получивши; всякій несъ съ собою отъ него какую нибудь лепту. Что касается его родныхъ, то одни находили у него пріютъ, другіе въ трудныхъ обстоятельствахъ получали довольно значительную помощь, всѣ же вообще нуждавшіеся въ его добрыхъ и полезныхъ совѣтахъ никогда не уходили отъ него безъ утѣшенія. И кто не зналъ почившаго протоіерей какъ великаго благотворителя, учителя и утѣшителя? По всему видно, что промыслъ Божій онъ назначенъ былъ для служенія ближнимъ.

И въ своей частной домашней жизни почившій представлялъ образъ истиннаго христіанина, примѣръ благочестиваго человѣка. Утромъ онъ ходилъ въ церковь къ утрени и обѣднѣ; потомъ отправлялся или къ мощамъ святыхъ угодниковъ Божіихъ и къ чудотворнымъ иконамъ, или на кладбище, гдѣ похоронены его родные и вѣрные прихожане; затѣмъ занимался чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ, твореній св. отцевъ. Все это настраивало его на благочестивыя размышленія. Онъ помнилъ постоянно о грѣхахъ, о смерти и страшномъ судѣ. Имя Спасителя у него было постоянно и на сердцѣ и на устахъ. Всѣ правила вѣры и благочестія онъ старался исполнить во всей ихъ полнотѣ, никогда не нарушалъ церковныхъ уставовъ, всегда воздерживался отъ всего, что не согласно съ закономъ Христовымъ.—Вообще вся жизнь почившаго протоіерей домашняя и общественная, всѣ дѣла и слова, самый видъ,—все показывало и внушало каждому, что это благочестивый челоуѣкъ, истинный христіанинъ, пастырь добрый, вѣрный слуга Христовъ. Помолитесь, братія, съ вѣрою, что Господь Нашъ Иисусъ Христосъ, молитвами Пречистыя Своея Матери и всѣхъ святыхъ, почившаго отъ дѣлъ своихъ протоіерей Петра въ селеніяхъ праведныхъ учинить, въ пѣдрахъ Авраама упокоить и съ праведными сопричтеть. Аминь.

Еще до начала благовѣста къ обѣднѣ (благовѣстъ назначенъ въ 9 часовъ, а не въ 10, какъ обыкновенно онъ бываетъ) народъ уже собирался и входилъ въ храмъ въ большомъ количествѣ. А потомъ этотъ большой и обширный храмъ Вознесенія Господня наполненъ былъ православными до тѣноты. Долго происходило прощаніе съ почившимъ отцомъ протоіереемъ, только въ часъ дня начали выносить изъ церкви гробъ съ бранными останками его. Погребеніе совершено на Пятиницкомъ кладбищѣ, на всемъ пути къ коему, предшествующую хоругвами погребальную процессію, встрѣчалъ колокольный звонъ.

По случайности въ то время, когда вышедшая изъ храма Вознесенія процессія остановилась противъ дома покойнаго, на Никитской, и преосвященный Мисалъ служилъ литію, къ этому мѣсту подошла другая тоже предшествуемая хоругвами и направлявшаяся на Ваганьковское кладбище погребальная процессія съ останками скончавшагося тоже 15 августа друга покойнаго П. Е. Соколова, семидесятилѣтняго священника церкви Воскресенія Христова, что на Овражкахъ, П. П. Дмитровскаго. По этому случаю двѣ литіи по покойнымъ соединились во едину.

ПОЖЕРТВОВАНІЕ ПОГОРѢЛЬЦАМЪ.

При высылкѣ денегъ изъ наружной кружки при Николаевской на Арбатѣ церкви оказалась записка съ 12 руб., въ которой сказано, что бы деньги эти употреблены были на хлѣбъ погорѣльцамъ Листвянскимъ и Клинскимъ. Въ пользу Клинскихъ погорѣльцевъ еще за обѣдней въ праздникъ Успенія Б. Матери собрано 36 р. 66 коп. Препровождая всѣ 48 р. 66 коп. въ Редакцію «Московскихъ Церковныхъ вѣдомостей», покорнѣйше прошу 42 р. 66 коп. отослать въ Клинь въ тамошній Комитетъ для помощи погорѣльцамъ, а 6 р. чрезъ мѣстнаго священника раздать бѣднѣйшимъ изъ Листвянскихъ погорѣльцевъ на хлѣбъ. Къ свѣдѣнію жертвователей желательно получить изъ Клина и Листвян извѣстіе, что деньги получены и 12 рублей изъ нихъ употреблены именно на хлѣбъ погорѣльцамъ.

П. С. З.

При семъ прилагается № 25 Оффиціальнаго Отдѣла.

Редакторъ протоіерей

Типографія Л. О. Снегирева.

Цензоръ

В. Рождественскій. На Остоженнѣ, Савеловскій

пер., д. Снегиревой. Архимандритъ Амфилохій.